

С НАЧАЛА мне казалось, что мы говорили только об искусстве, о его возможностях. О театре магии, которая — и театр, и не театр. Вспоминали о поставленной здесь режиссером В. Капиликом опере Оффенбаха «Сказки Гофмана». О ничтожном Коппелиусе из первой сказки, торгующем чем угодно: искусственными глазами, иллюзиями, войной, жизнью. О поэте Гофмане, страстно ищущем смысл существования человека на земле. Мы говорили о рождении еще не известной формы нового искусства, магического зеркала действительности...

Это было в кабине, возле пульта управления световыми эффектами; пульт был похож на модель Млечного пути. Может быть, поэтому мои собеседники казались мне почти марсианами. Режиссер Иржина Мартинкова — золотоволосая, с резко очерченным профилем. На ней был светлый свитер, пронизанный вдоль и поперек зелеными шерстяными молниями. Артистка Ярослава Памиркова — блондетка, с копной прически над мягкими чертами лица.

Ярослава пришла в Латерну по окончании химического института; Иржина — бывший партийный работник. В коллективе Латерны такие биографии не исключение, здесь и артисты, и режиссеры должны быть хорошо знакомы не только со смежными областями искусства, но и с физикой, химией, математикой, общественными науками...

В первом акте новой только что созданной программы Латерны есть эпизод «Ритмы». Режиссер показал, что в современном мире, наполненном стремительными и подчас хаотическими событиями, может скрываться строгий ритм. Танцует артист на сцене Латерны — маленькая фигурка на фоне ритма, гротескно

подчеркнутого кинокадрами балетных упражнений. «Раз-два-три-четыре!» — с нарастающей силой отсчитывает репродуктор.

Возникает мысль: а почему бы не сделать этот эпизод более направленным, более насыщенным мыслями о мире, о прогрессе? Попробуем раскрыть свою выдумку: можно было бы отсчитывать секунды, как при запуске ракеты: «Четыре-три-два-один — пуск!» И сразу же на экране — полет ракеты и взрыв, черный гигантский гриб. И, допустим, как бы накладывается на взрыв балетная пачка танцующей артистки, и взрыв как бы оседает, а девушка танцует, расшвыривая клочья дыма...

Мне казалась просто великолепной моя выдумка. Ярослава молчала, любезно улыбаясь. Иржина сказала с протокольной вежливостью:

— В искусстве всегда есть грань, до которой позволительно доходить, насыщая вещь политическим содержанием. За этой гранью искусство перестает быть искусством.

Формулировка вызвала возражения. Но я вовремя сообразила, что в любом интервью есть граница насыщения его своими личными высказываниями. За этой границей интервью перестает быть таковым.

— Раскрытие души чешского народа, его мирных чаяний, поэзии его обыденной жизни — разве это не борьба за мир?! — продолжала Иржина.

Стереотипное выражение «раскрытие души», по всей вероятности, никогда не исчезнет из обращения, ибо оно обеспечено заложенным в нем золотым смыслом. Любое дело становится по-настоящему интересным и значительным лишь тогда, когда в

процессе его свершения происходит удивительное чудо: раскрытие души...

Начался второй акт. Мы вышли из кабины и уселись в последнем ряду зрительного зала. Веселая шутка: фотограф на роликах пытается догнать танцовщицу, уехавших на автобусе. Отчаянно рискуя, он мчится по старинным лестницам пражского Кремля, по лабиринту старого города, по современному улицам чехословацкой столицы.

... Какая ты красивая, Прага, особенно ты, похожая ни на какой другой город в мире! Твои апостолы на старой ратуше вышагивают уверенно, как праздничные демонстранты. Башни твоих старинных зданий и храмов странно породнились с фабричными трубами пражской периферии. Каменное кружево твоей готики не протестует против стеклянных киосков, торгующих в самом центре города сосисками с вкусной пражской горчицей.

А черное пиво из твоего средневековья — что-то, примерно, из тринадцатого века — в пивной «У Флеку», рядом с Карловой площадью. Коричневые деревянные столы, отполированные локтями посетителей, заставлены высокими испененными стеклянными кружками. В каждой кружке — добрый укрощенный атомный взрыв. И подается к нему блюдо с грудой «топинки» — поджаренным хлебом, намазанным чесноком.

Нигде в мире нет таких, как «У Флеку», любителей засидеться далеко за полночь, беседуя о жизни, о прошлом, о будущем, пересылая беседу шутками, переплетая песнями. «То было в мае, в зеленом гае...» Отчетливо звучит эта первая фраза песни,

а дальше гул голосов подхватывает, и невозможно понять, что именно было в зеленом гае...

Мчится по Праге веселый фотограф. Воссоздается на экранах Латерны магии современный мир невероятных скоростей. И где-то здесь, на размахе огромной неоновой Вацлавской площади, так сказать, на пересечении веков, открывается мне второй аспект этого интервью. Об искусстве идет речь и не только о нем: о самобытности культуры всякой страны, о взаимном уважении братских народов в большой семье социалистических стран. Словом, о некоторых «этических гарантиях» мира и процветания на земле, когда происходит то самое «раскрытие души», ради которого стоит знакомиться с людьми, городами, странами.

— Мы хотим внести наш национальный вклад в искусство, в борьбу за мир, — говорит Иржина. — Именно вклад, а не копию чужого вклада... У нас есть Чапек. Гневная сатира на фашизм. «Война с саламандрами». «Из жизни насекомых». Я мечтаю поставить Чапека в Латерне. И, может быть, в той же программе — освобождение Чехословакии от гитлеровской оккупации. 350 километров марша советских танкистов из-под Берлина в Прагу за 36 часов...

Уже давно закончился спектакль. Мы трое в полутемном зале. Отсюда, через небольшую сцену, способную так удивительно раздвигать время и пространство, кажется, виден весь мир. Тревожно сейчас в нем: варварские налеты авиации США на Северный Вьетнам, оккупация Южного Вьетнама; полное пренебрежение к мировому общественному мнению, с которым аме-

риканские политики занимаются разбоем в маленькой южноамериканской республике, — все это заставляет вспомнить действия немецких фашистов. Победа над Гитлером стала символом обреченности подобных действий в любой их разновидности. Нет, никогда не надоеет людям радоваться победе и осуждению. Никогда искусство не исчерпает этой огромной темы.

— Скажи мне, Волшебный фонарь...

И Латерна рассказывает о судьбе страны, которая в течение столетий вела борьбу за то, чтобы стать страной. 300 лет Чехия была колонией Австрии. 800 лет Словакия была колонией Венгрии. О судьбе страны, которую некогда великие державы рассматривали только как сцену для постановки исторического фарса — мюнхенского сговора, — приведшего к трагедии. Страна, на земле которой стоит памятник, названный «Центром Европы», оказалась расчлененной, оккупированной фашистами...

В Татрах, недалеко от городка Горный Смоковец, водружен пропеллер — память советским летчикам, разбившимся здесь. Неподдалеку — могила чешской девушки, геолога. На камне надпись:

Плохо тому, кто в море видит только воду,

а в горах — только камни. Может быть, смысл существования человека на земле — научиться видеть не только воду в море, не только камни в горах, ...не только «объекты» и «населенные пункты» в странах?

Чехословакия, прекрасная свободная страна! Пусть всегда торжествует на твоей земле, на твоих сценах и экранах правда твоей мирной жизни!

Екатерина ШЕВЕЛЕВА.